

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мария Антуанетта

Уважаемые читатели! Впервые я представляю на Ваш суд не своих рук дело, а избранные отрывки из классики исторической литературы. Поверьте, что никакой из рассказов, представленный в категории «Экзекуция», «Лесбиянки» и даже «Запредельное» не произведет на Вас такого впечатления, как эти сильные строки из романа Стефана Цвейга «Мария Антуанетта». Роман написан в старомодном романтическом стиле, но проблемы из жизни величайших людей своего времени, затронутые в нем, настолько глубоки, жестки и порой циничны, что им нет аналогов в литературе наших дней. Итак, всего несколько отрывков, и если Вы хоть на минуту засомневаетесь, не сам ли я все это написал — возьмите этот роман и прочтите его. Поверьте, там есть моменты, достойные приведенных мной. Отрывок первый (ее жизнь)... никто из этих героев маскарадов Трианона не станет истинным героем истории. Ни один из этих щеголей внутренне, по-настоящему не уважает Марию Антуанетту. Иным из них молодая женщина позволяет несколько больше интимности в общении, чем это подобает королеве, но ни одному, и это бесспорно, она не жертвует собой полностью, ни духовно, ни как женщина. Тот же, кто должен стать единственным для нее и будет им, тот, кто однажды и навсегда завоюет ее сердце, стоит пока еще в тени. И суматошливое поведение статистов, быть может, и служит лишь затем, чтобы скрыть его близость, его присутствие.

Однако значительно большую опасность для королевы представляют не эти ненадежные и переменчивые кавалеры, а ее подруги; здесь таинственным образом проявляется сложная игра самых разных чувств. С характеристической точки зрения Мария Антуанетта — совершенно естественная, очень женственная и кроткая натура, испытывающая потребность в самоотречении, потребность в изъявлении таких чувств, которые при вялом, апатичном супруге в эти первые семь лет их совместной жизни остаются без взаимности. Общительная по своей природе, она жаждет поделиться с кем-либо своими душевными порывами, и, поскольку в силу сложившихся обычаев таким доверенным, таким близким человеком не может или еще не может быть мужчина, Мария Антуанетта невольно ищет подругу.

То, что дружеские отношения Марии Антуанетты с близкими ей женщинами окрашены нежностью, совершенно естественно. Шестнадцати-, семнадцати-, восемнадцатилетняя Мария Антуанетта, зотя и замужем или, точнее, как бы замужем, духовно находится в характерном возрасте и в характерном положении воспитанницы пансиона для благородных девиц. Ребенком оторванная от матери, горячо любимой воспитательницы, оказавшись возле неловкого, грубоватого мужа, она не имеет возможности доверчиво открыть кому-либо свою душу — стремление, столь же присущее природе юной девушки, как аромат — цветку. Все эти ребячливые безделицы, прогулки рука об руку, обнимания, хихиканье по углам, бешенная беготня из комнаты в комнату, «обожание» себя самой — все эти симптомы «весеннего пробуждения» еще сохраняет ее детское тело.

В шестнадцать, в восемнадцать, в двадцать лет Мария Антуанетта все еще не может влюбиться по-настоящему, со всей страстью, со всем пылом юной души. И то, что проявляется в таком бурном кипении чувств, отнюдь не сексуальное, а лишь робкое предчувствие его, лишь грезы о нем. Вот почему взаимоотношения Марии Антуанетты с подругами тех лет окрашиваются нежными тонами, и безнравственный двор тотчас же с раздражением ложно

истолковывает столь необычное для него поведение королевы. Рафинированный и развращенный, он не может понять естественного, начинаются перешептывания, возникают слухи о сафических (лесбийских) наклонностях королевы. «Мне приписывают любовников и особое, подчеркнутое пристрастие к женщинам», — пишет Мария Антуанетта открыто и непринужденно, совершенно уверенная в чистоте своих чувств; ее высокомерная откровенность презирает двор, общественное мнение, свет. Она еще ничего не знает о власти тысячеустой клеветы, безудержно отдается внезапной радости любви и доверия к кому-нибудь, пренебрегает элементарной осмотрительностью, лишь бы показать своим подругам, как самозабвенно она может любить.

Выбор первой фаворитки, мадам де Ламбаль, был в общем-то удачей королевы. Принадлежащая к одному из знатных семейств Франции и поэтому не алчная до денег, не властолюбивая, нежная, сентиментальная натура, не очень честолюбивая, она с искренним дружелюбием отвечает на внимание королевы. Она не вымаливает протекций для своих друзей, для членов своей семьи, не вмешивается в дела государства, в политику. В ее салоне не играют в столь любимые юной королевой азартные игры, она не втягивает Марию Антуанетту в водоворот удовольствий, нет, она тихо и незаметно хранит свою верность, и, наконец... «Отрывок второй (ее любовь)... Но время не стоит на месте, и, хотя это не чувствуется в окруженном каменными стенами квадрате, за этими стенами оно летит на гигантских крыльях. С границ приходят дурные вести: наконец-то пруссаки, австрийцы зашевелились, при первом же столкновении с ними революционные войска были рассеяны. В Вандее крестьянское восстание, начинается гражданская война; английское правительство отозвало своего посланника, Лафайет покидает армию, раздраженный радикализмом Революции, которой он в свое время присягнул; со снабжением продовольствием становится все хуже и хуже, народ начинает волноваться. С каждым поражением войск Революции тысячекратно повторяемое слово «измена» слышится со всех сторон и пугает город. В такой час Дантон, самый энергичный, самый решительный человек Революции, поднимает кровавое знамя Террора, вносит на заседании Национального собрания предложение — за три дня и три ночи сентября уничтожить всех уздников тюрем, подозреваемых в измене. Среди двух тысяч обреченных таким образом на смерть оказывается также и подруга королевы, принцесса Ламбаль.

Об этом страшном решении королевская семья в Тампле ничего не знает, ведь она изолирована от живых голосов, от печатного слова. Вдруг внезапно раздается бой набатных колоколов. Марии Антуанетте хорошо известен этот клекот бронзовых птиц несчастья. Она уже знает: едва над городом начинают бушевать эти вибрирующие звуки, тотчас же разражается буря, непременно быть беде. Взволнованные, шепчутся уздники Тампля. Не стоит ли уже у городских ворот герцог Брауншвейгский со своими войсками? Не вспыхнула ли революция против Революции?

Внизу же, у запертых ворот Тампля, в крайнем возбуждении совещаются чиновники ратуши с охраной. Примчавшиеся гонцы сообщили, что огромная толпа из пригородов движется к крепости, несет впереди на пике голову убитой принцессы Ламбаль с развевающимися волосами и волочит за собой ее обнаженное изуродованное тело. Эта опьяненная кровью и вином озверелая банда убийц, безусловно, пожелает насладиться действием, которое произведет на Марию Антуанетту зрелище головы ее мертвой подруги, ее обнаженного, обесчещенного тела, подруги, с которой, по всеобщему мнению, королева так долго была в

блуде. Растерянная охрана обращается к Коммуне за военной помощью: ей самой не остановить разъяренной толпы, но, как всегда, когда возникает опасность, вероломного Петиона — градоначальника Парижа — не разыскать; подкрепление не приходит, и толпа со своей ужасной добычей уже неистовствует у главных ворот. Чтобы предотвратить разгром крепости, который наверняка кончится убийством венценосных уздников, чтобы как-то успокоить толпу, комендант пытается задержать ее; он решает пустить пьяных людей во внешний двор Тампля, и грязный поток, пенясь, вливается через ворота.

Двое волокут за ноги обнаженное туловище, третий размахивает окровавленными кишками, четвертый высоко поднимает пику с зеленовато-бледной кровоточащей головой принцессы. С этими трофеями рвутся каннибалы в башню, чтобы, как они объясняют, принудить королеву поцеловать голову своей девки. Силой против этой беснующейся толпы ничего не поделаешь. Один из комиссаров пытается применить хитрость. Размахивая шарфом депутата, он требует тишины и держит речь. Обманом отвлекая толпу, он сначала восхваляет ее замечательный подвиг и предлагает пронести голову по улицам Парижа, чтобы весь народ мог восхититься этим «трофеем», этим «вечным символом победы». К счастью, толпа поддается лести, и с диким ревом пьяные зачинщики, волоча изуродованное женское тело, уводят за собой толпу по улицам города к Пале-Роялю.

Между тем заключенные в башне теряют терпение. Они слышат доносящиеся снизу невнятные крики огромной бушующей массы людей, не понимая, чего ей надо. Еще со дня штурма Тюильри уздники помнят дикий рев толпы, они видят, как бледны, как возбуждены караульные солдаты, как спешат они к своим постам, чтобы предотвратить какую-то опасность. Тревожно спрашивает король одного из своих тюремщиков, национальных гвардейцев. «Ну, сударь, — отвечает тот резко, — уж коли вам угодно знать, они хотят показать вам голову мадам Ламбаль. Могу вам только посоветовать, покажитесь у окна, если не желаете, чтобы народ явился сюда сам».

При этих словах они слышат приглушенный женский крик: Мария антуанетта падает в обморок. «Это было единственное мгновение, — напишет ее дочь много позже, — когда силы изменили ей»... Отрывок третий (несколько дней спустя)... Громадная площадь Революции, теперешняя площадь согласия, черна от народа. Десятки тысяч людей на ногах с самого раннего утра, чтобы не пропустить редчайшее зрелище, увидеть, как королеву — в соответствии с циничными и жестокими словами Эбера — «отбреет национальная бритва». Толпа любопытных ждет уже много часов. Болтают с хорошенькой соседкой, смеются, обмениваются новостями, покупают у разносчиков газеты или листки с непристойными карикатурами, перелистывают только что изданные Эбером скабрзные брошюры «Последнее «прости» королевы своим любовникам и любовницам» или «Неистовая страстность бывшей королевы». Загадывают, шепчутся, чья голова завтра или послезавтра упадет в корзину, пьют лимонад, жуют бутерброды, грызут сухари, щелкают орехи. Представление стоит того, чтобы его дождаться.

Над этой сутолокой волнующейся черной массы любопытствующих, среди тысяч и тысяч живых людей, неподвижно возвышаются два безжизненных силуэта. Тонкий силуэт гильотины, этого деревянного мостика, перекинутого из земного мира в мир потусторонний; на ее перекладине в свете скупого октябрьского солнца блестит провожатый — остро отточенное лезвие. Легко и свободно рассекает оно серое небо, забытая игрушка зловещего божества, и птицы, не подозревающие о мрачном назначении этого жестокого сооружения,

беззаботно летают вокруг него.

Но Но сурово и гордо рядом с этими воротами смерти на постаменте, ранее служившем для памятника Людовика XV, деда низложенного монарха, возвышается статуя Свободы. Невозмутимо сидит она, неприступная богиня с фригийским колпаком на голове, грезящая, с мечом в руке; вот сидит она, каменная, в застывшей неподвижности, «гуманная» богиня Свободы, погруженная в глубокую задумчивость...

... Внезапно в толпе возникает движение, на площади сразу же становится тихо. И в этой тишине слышны дикие крики, несущиеся с улицы Сент-Оноре; появляется отряд кавалерии, из-за угла крайнего дома выезжает трагическая телега со связанной женщиной, некогда бывшей владычицей Франции; сзади нее с веревкой в одной руке и шляпой в другой стоит Сансон, палач, исполненный гордости и смиренно-подобострастный одновременно. На громадной площади мертвая тишина, слышно лишь тяжелое цоканье копыт и скрип колес. Десятки тысяч, только что непринужденно болтавшие и смеявшиеся, потрясены чувством ужаса, охватившего их при виде бледной связанной женщины, не замечающей никого из них. Она знает: изо всех ее мучений и унижений осталось одно последнее испытание! Только пять минут смерти, а потом — бессмертие.

Телега останавливается у эшафота. Спокойно, без посторонней помощи, «с лицом еще более каменным, чем при выходе из тьмы», отклоняя любую помощь, поднимается королева по деревянным ступеням эшафота; поднимается так же легко и окрыленно в своих черных атласных туфлях на высоких каблуках по этим последним в ее жизни ступеням, как некогда — по мраморной лестнице Версаля. Еще один невидящий взгляд в небо, поверх отвратительной сутолоки, окружающей ее. Различает ли она там, в осеннем тумане, Тюильри, в котором жила и невыносимо страдала? Вспоминает ли в эту последнюю, в эту самую последнюю минуту день, когда те же самые толпы на площадях, подобных этой, приветствовали ее как престолонаследницу? Неизвестно. Никому не дано знать последних мыслей умирающего. Все кончено. Палачи грубо хватают ее сзади, быстрый бросок на доску, голову под лезвие, молния падающего со свистом ножа, глухой удар — и Сансон, схватив за волосы кровоточащую голову, высоко поднимает ее над площадью. И десятки тысяч людей, минуту назад затаивших в ужасе дыхание, сейчас в едином порыве, словно избавившись от страшных колдовских чар, разражаются ликующим воплем. «Да здравствует Республика!» гремит, словно из глотки, освобожденной от неистового душителя. Затем люди поспешно расходятся. Черт возьми! Действительно, уже четверть первого, пора обедать; скорее домой. Что торчать тут! Завтра, все эти недели и месяцы, почти каждый день на этой самой площади можно еще и еще раз увидеть подобное зрелище.

Полдень. Толпа расходится. В маленькой тачке палач увозит труп с окровавленной головой в ногах. Двое жандармов остались охранять эшафот. Никого не заботит кровь, медленно капающая на землю. Площадь опустела